

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Г. Ф. ДАХШЛЕЙГЕР

ИЗ ОПЫТА ИСТОРИИ ОСЕДАНИЯ КАЗАХСКИХ КОЧЕВЫХ И ПОЛУКОЧЕВЫХ ХОЗЯЙСТВ

(до массовой коллективизации сельского хозяйства)

Тема прогрессивной смены хозяйственных форм, особенно в связи с революционными изменениями общественно-экономического строя народов, всегда привлекала внимание историков и этнографов.

Одно из наиболее показательных направлений прогресса в формах хозяйства и образе жизни народов мира за последние полвека — это переход от экстенсивного скотоводческого хозяйства к земледельческому, нередко в сочетании со скотоводством, переход от кочевого и полукочевого образа жизни — к оседлому. В этом плане весьма интересен опыт казахского народа в советское время.

Историю оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств в советское время условно — в соответствии с масштабами, темпами, формами — можно разделить на два крупных этапа: первый — октябрь 1917 — конец 1929 г., второй — 1930—1940 г. (далее говорить уже о кочевничестве или полукочевничестве казахов нет оснований; отгонное скотоводство, сохранившееся до наших дней, резко отличается от кочевого и полукочевого экстенсивного скотоводства). Второй этап изучен сравнительно неплохо¹, хотя и в нем еще есть отдельные неясные или спорные вопросы (например, о системе организации оседания, типе поселков, соотношении темпов коллективизации и оседания). Первый же этап исследован много слабее. А между тем, именно период с октября 1917 по конец 1929 г. особенно важен, ибо в эти годы партия и Советская власть сумели преодолеть препятствия для развития прогрессивных форм хозяйства казахов и создать основные необходимые социально-экономические и политические условия для замены старого, отжившего свой век экстенсивного кочевого скотоводства оседлым земледелием, в сочетании со скотоводством, к тому же на базе кооперации, т. е. на базе социализма. И вряд ли нужно ныне доказывать значение такого опыта для народов слаборазвитых стран, только что сбросивших колониальное ярмо, народов, для которых кочевой быт и скотоводство — главная форма хозяйства.

¹ А. Турсунбаев, Победа колхозного строя в Казахстане, Алма-Ата, 1957; Ш. Юсупов, Из истории оседания кочевого и полукочевого казахского населения, «Вопросы истории», 1960, № 3; С. Баишев, Победа социализма в Казахстане, Алма-Ата, 1961; «От средневековья к вершинам социального прогресса», М., 1965; М. Х. Шаян, От кочевья к социализму, Алма-Ата, 1965.

Статья ставит целью хотя бы частично восполнить пробелы в освещении истории оседания, конкретно показать социальный характер и масштабы оседания в казахском ауле в первые десять — двенадцать лет Советской власти, его некоторые характерные черты, его связь с революционными преобразованиями общественно-экономического строя казахского аула.

* * *

Советская историческая наука уже доказала ошибочность ранее довольно распространенной в русской дворянско-буржуазной историографии (а ныне еще нередко встречающегося в зарубежной буржуазной историографии) положения о том, что издревле на территории Казахстана жили только кочевники с отсталой материальной и духовной культурой, не знавшие даже элементов оседлости, земледелия, городской жизни и т. д.

Раскопки оседлых поселений и городов в самых различных районах обширной территории Казахской республики, датируемых колоссальным историческим периодом — от эпохи андроновской культуры до позднего средневековья, письменные восточные и русские источники позволили установить, что как древнейшие насельники этой территории, так затем и казахи знали сравнительно развитое земледелие, включая и поливное на юге (с использованием каналов, арыков, дамб, водоподъемных сооружений). Установлена также преемственная генетическая связь очагов земледельческой культуры и, что особенно важно, определено, хотя пока еще не полностью, прочное взаимодействие оседлой — земледельческой и кочевой — скотоводческой культур, причем не только между кочевниками какого-либо из районов Казахстана и соседними оседлыми народами, например Средней Азии, но и непосредственно в границах собственно территории Казахстана.

Нельзя при этом не заметить, что тенденция к развитию оседлости и земледелия на территории Казахстана, с древности постоянно пробиравшая себе дорогу, нередко прерывалась, сдерживалась крупными событиями внешнего, военно-политического порядка. Вспомним нашествие Чингиз-хана в начале XIII в., вторжение шейбанидов в Мавераннахр а XVI в., частые набеги джунгарских феодалов в XVII — начале XVIII в. (особенно годы великого бедствия — актабан — шубрунды — 1721 — 1723 гг.).

Позднее, во время и после вхождения казахских земель в состав России в XVIII—XIX вв., вступили в действие новые важные, но противоречивые, нередко взаимоисключающие факторы: с одной стороны, строительство укрепленных линий, первые меры по ограничению кочевок и изъятию пастбищ, военная колонизация и др., с другой — развитие торговых связей с Россией, начало переселения русских и украинских крестьян в Казахстан и их воздействие на экономику, на тип хозяйства казахского аула. В канун же социалистической революции массовые изъятия казахских земель (около 45 млн. дес), в первую очередь освоенных, плодородных, обеспеченных водными источниками, а также массовое переселение русско-украинского крестьянства с громадной силой сказались на давно обозначившемся кризисе экстенсивного скотоводческого хозяйства, с одной стороны, способствуя ускорению оседания — переходу от скотоводства к земледелию, с другой, искусственно сдерживая эти, бесспорно, прогрессивные экономические явления, извращая их направление и самую суть.

Оседание и переход от экстенсивного скотоводства к земледелию до революции не имели прочных стимулов и никогда не носили устой-

чивого характера. Таков, в частности, один из тяжелых итогов колониального положения Казахстана и господства в ауле докапиталистических, патриархально-феодалных отношений.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции положила начало принципиально новому пути развития казахского аула, коренным образом изменила социально-политические условия его жизни.

Ленинский декрет о земле, провозгласивший всю землю государственной собственностью, полностью отвечал интересам не только русского или украинского, но и казахского крестьянства. Уничтожение собственности российского военно-феодалного империализма, ликвидация сословной земельной собственности казачьих войск, передача земли казахским шаруа (крестьянин, занимающийся скотоводством) без всякого выкупа, роспуск переселенческого управления и всех его органов, прекращение изъятия земель и первые шаги Советского государства по возврату земли казахским трудящимся, законодательное ограничение концентрации земли в руках кулаков-колонизаторов и баев немедленно оказались на положении казахских шаруа и нанесли удар громадной силы по феодальным и колониальным институтам в ауле.

Все эти факторы, естественно, влияли как на характер общественных отношений в ауле, так и на формы хозяйствования, в частности на кочевое скотоводство, создавали качественно новые предпосылки для развития оседлости и земледелия в кочевом и полукочевом ауле. Даже в труднейших условиях гражданской войны тысячи казахов-скотоводов обзаводились посевами, хотя и весьма ограниченными.

Всего по сводным данным сельскохозяйственной переписи осенью 1920 г. в Казахстане из 454 780 казахских хозяйств 198 520, т. е. немногим меньше половины, имели посевы². Аналогичны данные по казахским районам Туркестанской республики (вошли в КазАССР в 1924 г.).

При оценке этих сведений (а они во многом приближенны), как и вообще при анализе эволюции хозяйственных форм аула, нужно исходить из того, что значительная часть казахских хозяйств сочетала скотоводство с земледелием, а территория Казахстана в соответствии с главной направленностью типа хозяйства делилась на три основные зоны: земледельческую, скотоводческую и скотоводческо-земледельческую. Если принять такое членение, то в пределах Казахстана в 1920 г. основные хозяйственные показатели аульных хозяйств будут выглядеть следующим образом³:

Зона	Число хозяйств	Хозяйств с посевами	Десятин посева	Голов скота
Земледельческая	58 050	51 550	235 470	682 960
Скотоводческо-земледельческая	180 720	128 470	256 190	2 627 880
Скотоводческая	216 010	18 900	13 720	4 545 380

Таблица вряд ли требует комментариев. Совершенно ясно преобладающее значение скотоводства, а также потребительский характер земледелия в зонах скотоводческой и скотоводческо-земледельческой, а там находилось подавляющее большинство казахских хозяйств. Весьма близки сведения по казахским районам Туркестанской республики⁴.

² «Статистико-экономический обзор Кир. ССР», Оренбург, 1923, стр. 150—151, 156,

³ «Статистико-экономический обзор Кир. ССР».

⁴ См. «Статистический ежегодник. 1917—1923», т. II, ч. 3, Ташкент, 1924, стр. 73—86; «Советское строительство в аулах и селах Семиречья», Алма-Ата, 1957, стр. 21—25, 30—33.

Принимая, а это уже в литературе доказано, что казахское скотоводство в то время носило преимущественно экстенсивный характер и большей частью было распространено в кочевой и особенно в полукочевой формах, следует считать, разумеется, тоже с определенной долей приближенности, что в канун перехода к нэпу никак не менее трех четвертей казахского аульного населения (а, возможно, и несколько больше) вело кочевой и полукочевой образ жизни, хотя часть его, и небольшая, имела посевы и занималась земледелием.

Не были еще уничтожены последствия колониальной политики царизма в земельном вопросе, не установлено на деле полное фактическое равенство казахского и переселенческого крестьянства в земле- и водопользовании. Не меньшее, а пожалуй, еще большее значение имела докапиталистическая структура аула. Не подлежит сомнению влияние типа хозяйства на уровень общественно-экономического развития, но столь же несомненно обратное — влияние экономических, производственных отношений на тип хозяйства, на уровень развития его производительных сил. А патриархально-феодалная структура казахского аула, веками приспособившаяся к экстенсивному кочевому и полукочевому скотоводству, конечно, сдерживала хозяйственный прогресс — интенсификацию скотоводства и переход от кочевого и полукочевого образа жизни к оседлости, к земледелию.

Нельзя также сбрасывать со счета и роль родового фактора. Сознание принадлежности к определенному роду и подроду, сила родовых традиций и предрассудков, накладывали свой печать не только на характер землепользования (как правило, общинного), расстановку классовых сил и уровень классовой сознательности трудящихся аула, но и формы хозяйства. Культивировавшуюся патриархально-феодалной верхушкой аула — байством — традиционную форму хозяйства совсем нелегко было изменить, интенсифицировать, переделать. Даже психологически казаху-кочевнику или полукочевнику трудно было представить свою жизнь вне кочевого или полукочевого быта со всеми его атрибутами.

Существенную роль в тех условиях разрухи и необеспеченности казахских хозяйств средствами труда имел и географический фактор. Чтобы поднять целину или залежь, нужна была не только тяговая сила, но и мощные плуги, буккеры, бороны и другой инвентарь, а также семена. Государство же, делавшее все возможное, чтобы увеличить посевные площади и помочь аульной бедноте, еще не располагало достаточными возможностями для обеспечения всех нуждающихся казахских хозяйств хотя бы самой простой техникой, субсидиями, семенами и т. д.

Но были и факторы иного порядка, способствовавшие изменению типа хозяйства аула. Установлено, что от 80 до 90% казахских шаруа скотоводческой и скотоводческо-земледельческой зон в канун перехода к нэпу составляли кедеи (бедняки) и кункургиш (маломощные середняки)⁵. Они были почти целиком лишены продуктивного скота и не могли кочевать, не пользуясь байской «помощью» в виде сауна, колик майы, ат майы и других пережиточных форм отработок. Понятно, что это не могло не стимулировать их стремления перейти к оседлости и земледелию, пусть даже в самых ограниченных размерах.

Сказывался и момент хронического кризиса экстенсивного кочевого скотоводческого хозяйства, которое из десятилетия в десятилетие в лучшем случае просто воспроизводило самое себя. Этот момент усиливался

⁵ См. Г. Дахилейгер, К вопросу об экономике Казахской АССР накануне перехода к нэпу, «Изв. АН Каз. ССР, серия истории, экономики, философии и права», вып. 1, Алма-Ата, 1957.

системат
ми десят
сяч пере
цев, сра
устойчив
и полук

Таки
за и пр
дом дру
этого д
тывала

Иска
захстан
населен

Еще
новные
меры д
зовани
готовки
проект
ния на
с пере
в текс
ние⁶:

жить
хозяй
обесп
рехоб
ствен

Г. Д.
парти
шени
Декр
тыми
изъя
мощ
даци
охра

но
ресс
зем
что
кед
соч

каз
зем
ся

28
пр
ус
ст

систематически повторявшимися джугами и эпизоотиями, разорявшими десятки тысяч казахских хозяйств. На таком фоне пример сотен тысяч переселенческих крестьянских хозяйств, а также казахов-земледельцев, сравнительно менее зависимых от стихийных сил природы и более устойчивых экономически, не мог не воздействовать на массу кочевых и полукочевых хозяйств.

Таким образом, действовали взаимно противоречивые факторы — за и против оседлости и земледелия, причем не просто параллельно, рядом друг с другом, а в тесном диалектическом единстве. В ходе борьбы этого диалектического единства противоположных тенденций вырабатывалась равнодействующая — прогрессивная линия.

Исключительно важную роль в разрешении аграрного вопроса в Казахстане, в частности в содействии оседанию кочевых и полукочевых населения, сыграли аграрные реформы 1921—1922 гг.

Еще в 1920 г. ЦК партии, готовя постановление, определяющее основные задачи РКП (б) в Туркестане, предусматривал решительные меры для уничтожения фактического неравенства в земле- и водопользовании по национальному признаку. Непосредственное участие в подготовке этого документа принимал В. И. Ленин. В своих замечаниях на проект постановления он подчеркивал необходимость полного уравнивания на деле казахского крестьянства, как и узбекского и киргизского, с переселенческим крестьянством. В соответствии с указаниями Ленина в текст директив ЦК (приняты 29 июня 1920 г.) было внесено положение⁶: «В основу наделения земледельческих туземных хозяйств положить принцип уравнивания с русскими крестьянами». И далее: *«Кочевое хозяйство должно быть обеспечено не только кочевьем, но и пашней, обеспечивающей переход к оседлому, земледельческому хозяйству. Переход к земледельческому хозяйству должен быть обеспечен государственными субсидиями, агрономической помощью и т. п.»* (курсив мой. — Г. Д.). Вот как недвусмысленно определялась одна из главных задач партийной организации Туркестана. И она, конечно, имела прямое отношение не только к казахским районам Туркестана, но и к Казахстану. Декретами ЦИК и СНК Туркестанской и Казахской республик, принятыми в конце 1920 — начале 1921 гг.⁷, предусматривалось возвращение изъятых царизмом земель казахским трудящимся с оказанием им помощи при переходе к оседлости; ограничение, а в ряде случаев и ликвидация кулацко-колонизаторских и крупных казачьих хозяйств, при охране интересов переселенцев-бедняков и середняков.

Казахскому населению передавались в пользование все незанятые, но отмежеванные переселенческими управлениями земельные участки, восстанавливались скотопробные дороги, водные источники, пахотные земли. Инструкции о применении законов при этом предусматривали, что в первую очередь устраиваются и обеспечиваются землей хозяйства кедеев и переходящие к оседлости. Возвращение земель повсеместно сочеталось с поощрением оседания.

Источники не дают обобщающих достоверных данных о переданных казахским трудящимся в 1921—1922 гг. землях. Но что бесспорно — все земли, находившиеся в фактическом пользовании казахских трудящихся (а это десятки млн. гектар), были на деле закреплены за ними, уста-

⁶ Центральный партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17.

⁷ См.: «Образование Казахской АССР» (сб. док.), Алма-Ата, 1957, стр. 271. 281—284; «Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период» (сб. док.), Алма-Ата, 1962, стр. 278—280, 284—285; «Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане, 1917—1926» (сб. док.), Ташкент, 1962, стр. 115—117.

новились фактическое равенство в земле- и водопользовании, стеснения и ограничения, насажденные царизмом, мешавшие прогрессу казахского хозяйства, в том числе и развитию оседлости, земледелия, были уничтожены.

Совсем не случайно в ходе реформы в Советы, ревкомы стали поступать десятки писем, ходатайств аульных обществ с просьбой перевести их на оседлость, отвести пригодные для пахоты участки. Вот три отрывка из подобных ходатайств. 400 хозяйств в Горно-Джалайровской волости пишут в исполком: «хотим перейти по образу жизни на оседлое положение... просим нарезать земли и поселить нас, как живут оседло». «Жители мы все очень бедные... далеко кочевать не можем; чтобы устроить свою жизнь лучше, желаем приняться энергично за пахоту», — заявила группа хозяйств Балганалинской волости. 50 же хозяйств Кучуковской волости формулируют причины своего перехода к оседлости так: «Хотим отделиться от бая, от кулака, жить в одном месте, устроить поселение и засеять хлеб, как бедные граждане»⁸. В Семипалатинском уезде во время возвращения земли казахским трудящимся осело 7583 хозяйства, в Акмолинском — около 700, в Талды-Курганском — до 1000⁹. И хотя не все из них осели целиком (часть еще продолжала полз/кочевой образ жизни), результаты ликвидации колониального наследия в земельных отношениях в хозяйственном плане никак нельзя недооценить.

К сказанному следует добавить, что в ходе реформ на юге Казахстана возникла первая массовая организация казахской бедноты — Союз Кошчи (Союз бедноты), ставившая одной из своих задач содействие переходу кочевых и полукочевых хозяйств к оседлости. Охватив своим влиянием в последующее время весь Казахстан (с 1926 г. организации Союза Кошчи возникли во всем Казахстане), она сыграла немалую роль в пропаганде идей интенсификации казахского хозяйства и непосредственной организации оседлых поселений.

По завершении чрезвычайных мер, уравнивших казахское и переселенческое крестьянство в правах на землю и воду, наступил этап обычного землеустройства на основе Земельного кодекса. После серьезной работы местных партийных и советских организаций при непосредственном участии Федерального земельного комитета при ВЦИК, правительство РСФСР 17 апреля 1924 г. утвердило Положение о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Каз. АССР¹⁰.

Положение предусматривало организацию сплошного землеустройства по почину земельных органов во всех кочевых и полукочевых районах республики. Вводя на территории кочевых и полукочевых районов основные положения Земельного кодекса, новый закон дополнительно требовал разверстки пастбищ общего пользования между кочевниками, полукочевниками и оседлым крестьянством, отвод кочевым и полукочевым аулам обособленных зимовок, других сезонных пастбищ и кочевых путей, страховых пахотных и сенокосных угодий для создания запасов фуража на случай отсутствия кормов. Особо отмечалась необходимость выделения участков для оседающих.

Наделению землей подлежали все трудовые хозяйства. Оседающему населению земля должна была отводиться по норме, установленной для

⁸ «Советское строительство в аулах и селах Семиречья» (сб. док.), Алма-Ата, 1957, стр. 155—160.

⁹ Центральный Государственный архив Каз. ССР (ЦГА), ф. 74, оп. 4, д. 191, лл. 40—41.

¹⁰ «Положение о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Каз. АССР», Оренбург, 1924.

соседнего коренного земледельческого полусоседлого населения (т. е. большая, чем у обычных земледельческих хозяйств), чтобы дать им возможность постепенно освоить новую форму хозяйства.

Землеустройство кочевого, полукочевого и переходящего к оседлости казахского населения принималось на счет государства. Оседавшим хозяйствам выдавался в кредит инвентарь с рассрочкой на десять лет, семенная ссуда сроком на пять лет, бесплатно отпускался лес на постройку жилых домов и хозяйственных помещений. Они освобождались от государственных и местных налогов до пяти лет.

В развитие Положения о землеустройстве кочевого и полукочевого населения партийная организация и правительство Казахской республики осуществили ряд дополнительных мер. Было принято решение о создании института земельных съездов казахского населения, которым поручалось рассмотрение вопросов об изменении форм землепользования, распространении оседлости, рационального использования пастбищ, водного хозяйства, внедрения севооборотов, проектов плана землеустройства. Вступили в действие правила выдачи пособий и предоставления льгот землеустраиваемому казахскому кочевому и полукочевому населению. В них в разряд землеустраиваемых обязательно включались батраки, независимо от формы хозяйства и образа жизни. Размер помощи определялся в соответствии с имущественной обеспеченностью того или иного хозяйства. Взамен инвентаря, семян, леса, саманного кирпича (при их отсутствии на месте) могли быть выданы денежные ссуды. Для обеспечения оседающих семенным материалом бронировалось 10% семенного фонда Наркомзема.

Еще раньше (в мае 1923 г.) было принято положение о землеустройстве в кочевых и полукочевых районах Туркестанской АССР, к которым относились и казахские районы Джетысуйской и Сыр-Дарьинской областей¹¹. В главных вопросах оно совпадало с положением в Каз. АССР. Однако имелись и некоторые отличия, вытекавшие из местных особенностей хозяйства. Так, в участках, отводимых кочевникам и полукочевникам, обязательно подлежали закреплению за хозяйствами клеверники, пашни, как на поливе, так и на богаре. Для полукочевников, занимающихся земледелием, пастбища должны были предоставляться поблизости от посевов.

По получении приговоров аульных сходов о переходе на оседлость землемеры вместе с представителями местных Советов выезжали на место, где разъясняли цели закона о землеустройстве кочевников и полукочевников, порядок наделения землей. После подтверждения аульным собранием решения об оседании, землемеры приступили к отбору и отводу земельных участков, составляли проект плана оседлого поселка, пахотных наделов, сенокосов и лугов. План утверждался уездным земотделом, после чего оседающим в соответствии с законом выдавалась ссуда.

Сошлемся на один типичный пример. Землемер Кустанайского губземотдела Н. Булгаков весной 1925 г. обследовал и оформил переход на оседлость аула Джарсорский. В отчете он записал, что в ауле живут полукочевники рода жаппас, освоившие площадь фактического пользования еще в середине XIX века. «Аульное общество состоит из 50 хозяйств (230 человек), использует 6650 дес. земли, в том числе неудобной для пахоты свыше 2 тыс. дес. При землеустройстве обойдены границы фактического пользования и составлен землеустроительный проект». Указывая на нехватку пресной воды, отчет рекомендовал вырыть за счет государства два колодца, на что «общество не имеет сил». Проект же

¹¹ ЦГА Каз. ССР, ф. 5. оп. 3. д. 92. лл. 153—154.

землеустройства, в частности, гласил: «К обществу Джарсорскому от участка общества Богомельского прирезается площадь в 80 дес... от Истекского общества отрезается и прирезается к обществу Джарсорскому площадь в 200 дес, отрезается от него к участку То.стузукскому 168 дес, таким образом, участок Джарсорского общества имеет по 14 дес. на душу, не принимая в расчет неудобной земли и леса. Доклад на основании стр. 184 земельного кодекса сторонам объявлен. Возражений принять проект приговором общего схода аульных обществ не последовало. Принимая во внимание, что подготовка землеустроительного дела пос Джарсорского закончена, постановили передать в уездотдел для утверждения проекта»¹². Проект подписали уполномоченные всех аульных обществ, землемер и председатель аулсовета.

Но большая часть землеустроительных работ, в том числе и среди оседающих хозяйств, носила еще подготовительный характер — съемка местности, учет населения и его пожеланий, определение качества угодий. Оставался еще неразрешенным острый вопрос о нормах земельных наделов. Там же, где велось землеустройство в прямом смысле слова, главным образом закреплялось фактическое устройство земельных обществ при абсолютном преобладании межселенных отводов и относительно незначительной разверстке внутриселенных наделов. Многие отводные работы, особенно в кочевых и полукочевых районах, только начались и по-настоящему развернулись в последующие годы. К тому же в практической работе земельных органов из-за отсутствия обоснованных земельных норм имели место ошибки в отношении к середняку — орта шаруа.

Эксплуататорская верхушка аула всячески препятствовала землеустройству, переходу казахов-кочевников и полукочевников к оседлости, пыталась сохранить свои преимущества в пользовании лучшими пастбищами, прежде всего зимовками, лугами, сенокосами с хорошим травостоем. При межселенном землеустройстве этого добиться было не так уж сложно, ибо участки тогда закреплялись за аулами без деления их между хозяйствами. Как отмечал Наркомзем Каз. АССР, в зонах кочевой и полукочевой при землеустройстве баи «производят увеличение своей экономической мощи за счет бедняка, так как, имея преимущества скота по численности, они используют в общине пастбища и другие угоща бедняка, не имеющего скота». Букеевский губком РКП (б) в своей информации сообщал: «Классовое расслоение аула выявляется на почве экономического неравенства населения в разрешении вопросов землепользования и землеустройства. Зажиточный элемент, считая землю своей собственностью и имеющий намерение распоряжаться ею мимо волисполкома и земкомиссий, умышленно стремится тормозить землеустроительную работу, пытается захватить в свои руки лучшие участки земли, разжигает национальную ненависть»¹³. Аналогичны информации из других губерний.

Вокруг оседания казахского кочевого и полукочевого крестьянства шла острая классовая борьба. Не рассматривая оттенков взглядов и течений уклонистского толка в казахстанской парторганизации (это тема специальной статьи), заметим, что национал-уклонисты как в сторону великодержавного шовинизма, так и местного национализма (правда, с разных позиций) по вопросу об оседании по сути дела стояли, как это

¹² Кустанайский ОГА, ф. 10, оп. 1, д. 10, лл. 32—33.

¹³ См. ЦГА Каз. ССР, ф. 74, оп. 2, д. 523, л. 105; ЦПА ИМП при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 266, ед. хр. 23/4, л. 5; Партархив (ПА) Казфилиала ИМЛ, ф. 139, оп. 1, ед. хр. 1285, лл. 510—511.

[ни парадоксально, на одной точке зрения — защиты кочевого быта и кочевого скотоводческого хозяйства, обоснования их извечности не только в прошлом, но и в будущем. Наиболее четко эта точка зрения сформулирована в высказываниях С. П. Швецова: «Казах — скотовод и кочевник потому, что иным он не может быть при данных, окружающих его условиях: от него требует этого окружающая его природа... устраните это периодическое передвижение скота по степи и казаху нечего в ней будет делать, так как никакое иное хозяйство здесь невозможно, и степь, кормящая теперь миллионы казахского населения, превратится в пустыню»¹⁴.

Такого рода взгляды распространились на практику землеустройства. Наркомзем Казахстана поручил тому же С. П. Швецову руководство работой по определению норм земельных наделов. А он и его группа, в состав которой был привлечен бывший лидер националистической партии Алаш А. Букейханов, исходя из своих ложных методологических посылок, действовали в обход партийных и государственных директив по земельному вопросу, чем существенно мешали развитию оседания. Сказалась на процессе оседания и ошибочная установка V краевой партийной конференции Казахстана (декабрь 1925 г.) об очередности землеустройства по национальному признаку, отмененная только VI краевой партийной конференцией (ноябрь 1927 г.).

И все же оседлость в казахском хозяйстве развивалась. В степи возникали новые оседлые поселки. Один из таких поселков возник в Петропавловском уезде на берегу Ишима на месте бывшего хутора Бажанова в районе села Явленки. Акмолинский губисполком передал ему имущество ликвидированного совхоза. В поселок стекалась беднота из окрестных аулов. Организаторами поселка были коммунисты Х. Макин и М. Катченко. По инициативе Х. Макина в поселок пригласили «русского опытного хлебороба» с семьей на жительство, и по его советам занялись земледелием. Позднее жители поселка с помощью государства построили паровую мельницу, школу, избу-читальню. Поселок стал административным и культурным центром Кызыл-Аскерской волости. Казахская печать отмечала, что в волисполком «стало поступать много заявлений от казахов, проживающих в аулах, с просьбой принять их в поселок»¹⁵.

Нередким стало землеустройство и оседание казахов-кочевников в переселенческих селах. Так, крестьяне села Альчанское Денисовского уезда приняли в состав своего земельного общества «на свободные доли, наравне с правами русского населения» казахов аула № 1 Аятской волости, изъявивших желание «принять оседлый образ жизни, а что касается кочевой жизни, от таковой отказаться». Причем далеко не последнюю роль, как рассказывается, например, в докладе Петропавловского уезмотдела, в росте стремлений аульной бедноты к оседанию, к устройству в переселенческих селах сыграло ее желание «освободиться от зависимости от баев», Советы же «открыто стоят на стороне выделяющихся крестьян, в ущерб баям»¹⁶.

А вот что рассказал в газете «Казак тили» ее аулкор М. Мусиев. В недалеком прошлом бедняки Акмолинской волости занимались только скотоводством, кочевали, но потеряв после нескольких джутов скот, начали, заимствуя опыт переселенцев, постепенно заводить посеы. Сначала объединилось 5—6 хозяйств, выделив по одной лошади и добыв по

¹⁴ См. «Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях», под ред. С. П. Швецова, М., 1926, стр. 102—103, 105.

¹⁵ Газ. «Бостындык Туы», 1923, 10 июля; газ. «Мир труда», 1925, 20 марта.

¹⁶ «Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период» (сб. док.), Алма-Ата, 1962, стр. 312.

1—2 пуду зерна. В супряге они обрабатывали земельный участок. Прежде под залог будущего приплода они получали от бая или кулака по 1 пуду зерна для семьи, а теперь стали собирать по 15—20 пудов зерна в урожай. «Увидя это, в следующем году, не 5—6 хозяйств, а целые аулы стали заниматься земледелием». В их числе упомянуты жители аула Кул, распахавшие участки Сарыжал и Караганды. И, говорится в корреспонденции, «если раньше бедняки думали, что бог оделил счастьем баев, то теперь, в итоге своего труда, они не умоляют бога о помощи, а сами корпят себя»¹⁷.

Государство, конечно, в соответствии с реальными возможностями затрачивало по тем временам немалые средства на землеустройство в Казахской АССР; только в 1923—1925 гг. — свыше 300 тыс. руб. золотом, примерно столько же в казахских районах Туркестана.

Обобщенные Н. Н. Мацкевичем по Семипалатинской губернии (а она типична во многих отношениях) данные переписи 1926 г.¹⁸ позволяют сделать некоторые выводы о процессе оседания к середине 1920-х гг. В сопоставимых величинах им сравниваются масштабы кочевания за 1897—1900 гг. и 1926 г. Возможно ли такое сравнение для послеоктябрьской эпохи? Да, безусловно, возможно. Дело в том, что хотя в начале XX в. и произошли некоторые сдвиги в направлении к оседанию, но они носили весьма неустойчивый характер. И если сделать известную скидку при оценке данных на развитие оседлости до социалистической революции, принимая, разумеется, во внимание всю разницу общественно-экономических условий, то и тогда очевиден скачок, происшедший в развитии оседлости в годы восстановления народного хозяйства.

Перейдем к цифрам. За 1897—1900 и 1926 гг. процент целиком оседлых казахских хозяйств в Семипалатинской губернии увеличился с 7 до 18,2, т. е. более чем в полтора раза; хозяйств, передвигающихся в пределах зимовки (до 5 км), а их по сути должно также считать оседлыми — с 2,3 до 12,9, т. е. больше, чем в пять раз; хозяйств, передвигающихся от 5 до 30 км (назовем их условно полукочевниками) — с 35,2 до 63,7, т. е. почти в два раза. И что особенно характерно — процент хозяйств с кочевками на расстояние свыше 100 км за это время уменьшился с 25 до 2,5 т. е. в 10 раз. При всех скидках на изменения предреволюционной эпохи представляется бесспорным, что основной перелом произошел только в середине 1920-х гг.

Однако и в это время казахское крестьянство, несмотря на несомненные сдвиги, происходившие в его хозяйстве, главным образом еще занималось скотоводством и большая его доля еще вела кочевой и полукочевой образ жизни. И далеко не сразу оседавшие хозяйства полностью расставались со всеми традициями кочевого быта; отгон скота в пределах радиуса 10—15 км сохранялся, сохранялись и другие обычаи и привычки, связанные с кочевым образом жизни.

По обработанным данным переписи 1926 г., должным В. Г. Соколовским на совещании статистических органов РСФСР¹⁹, в Каз. АССР значилось до 70 тыс. аулов-кстау; 24% казахских хозяйств вели земледельческое хозяйство, 33,2% — смешанное, скотоводческо-земледельческое, а 38,3% — скотоводческое (о 4,5% сведений нет). По степени кочевности аульные хозяйства делились так (отсутствуют записи по 1,5% хозяйств): целиком оседлые — 23%; кочующие в радиусе 5—10 км —

¹⁷ Газ. «Казак тили», 1926, 11 марта.

¹⁸ Н. Мацкевич, Сравнительная длина кочевков казахского населения Семипалатинской губернии, «Записки Семипалатинского отделения Общества изучения Казахстана», т. I, вып. XVIII, Семипалатинск, 1929.

¹⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 8449, оп. 19, д. 19, л. 44.

~34%; 11—25 км — 15,2%; 26—50 км — 9,1%; 51—100 км — 7%; свыше 130 км — 4,2%; кочующие круглый год — 6%.

Сведения переписи, нам представляется, нельзя считать абсолютно достоверными. Показания глав семей-хозяйств нередко неточны, методы же подсчетов переписчиками на местах — очень несовершенны. Так что приводимые сведения, конечно, приблизительны и, очевидно, как показывает сравнение с поездными сводками, существенно преувеличивают степень оседлости. Но даже с учетом этого обстоятельства, в целом они верно отражают тенденцию к росту оседлости.

Если к оседлым отнести первые два показателя, т. е. 57% казахских хозяйств (а со сделанной выше оговоркой понизить до 40—50%)²⁰, что, безусловно, свидетельствовало о значительном прогрессе оседания за годы Советской власти (до революции процент таких хозяйств составлял не более одной трети всех казахских хозяйств), то все же 40—43% (а фактически — 55—60%) должно отнести к кочевым и полукочевым. Среди кочевых и полукочевых казахских хозяйств, да и большей части оседлых, еще к середине 1920-х гг. безраздельно господствовал общинный порядок землепользования. При зимовках кочевников и полукочевниковое и постоянных жилищах оседлых земледельцев находились сенокосные и пахотные угодья. Формально ими могли пользоваться на однопактовых правах все социальные группы аула, но в действительности лучшими, самыми близкими к зимовкам или поселкам сенокосами и пахотными участками традиционно пользовались баи и зажиточная верхушка. Внешне существовала общность хозяйственных интересов всего населения того или иного аула, на практике же пережитки родовых отношений, являвшиеся не чем иным как формой внеэкономического принуждения, обуславливали присвоение самых плодородных земельных участков аульными богатеями.

Обзор Наркомзема республики о земельных отношениях указывал, что и к середине 1920-х гг. байские хозяйства «еще имели в своем пользовании лучшие сенокосы, лучшие пахотные земли, имели их в большем количестве, чем середняцкие и бедняцкие группы населения... строй казахской общины давал возможность экономически сильной байской верхушке сосредотачивать в своих руках значительные по размерам площади ценных земель»²¹. Понятно, что при таком землепользовании выделение кедеев, кункургиш, орта шаруа из аулов с получением надела для ведения земледельческого хозяйства было делом далеко не легким.

Аульные труженики все чаще стали обращаться в Советы, партийные комитеты с требованиями покончить со старым порядком землепользо-

²⁰ По сведениям Ф. Сластихина (см. ниже), за 1928 г. доля кочевых и полукочевых хозяйств в общем числе казахских хозяйств была значительно выше. М. Х. Шаумян, характеризуя процесс оседания в период массовой коллективизации, считает, что в середине 1930-х гг. в колхозах осело около 400 тыс. хозяйств, в совхозах — 40 тыс. бывших кочевников, свыше 100 тыс. перешло на постоянную работу в промышленность (см. М. Х. Шаумян, Указ. раб., стр. 177—178). По сводке же Комитета оседания при Наркомземе Каз. АССР, датируемой 1937 г., оседание охватило в период массовой коллективизации следующее число хозяйств (по годам): 1930—77,4 тыс. хозяйств, 1931—57,5 тыс., 1932—47,7 тыс., 1933—111,3 тыс., 1934—31,9 тыс., 1935—6,6 тыс., 1936—6,9 тыс., а всего — 338,7 тыс. хозяйств. (См. ЦГА Каз. ССР, ф. 74, оп. 11, д. 265, л. 101). В 1937 г., судя по косвенным данным, осело максимум 7—8 тыс. хозяйств и тем процесс в основном завершился. Полагаем, после сопоставления с другими источниками, что последние данные наиболее достоверны. Если к ним добавить некоторое число откочевников и сведения о росте оседлости в 1926—1929 гг., то во всяком случае ясно, что в 1926 г. к оседлым хозяйствам следует отнести никак не более 40—45% казахских хозяйств (соотносительно с общей цифрой — 800—820 тыс. хозяйств).

²¹ ЦПА НМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 267, ед. хр. 267, лл. 177—178; оп. 266, ед. хр. 13/6, лл. 8—13; ЦГА Каз. ССР, ф. 74, оп. 2, д. 523, л. 105; оп. 4, д. 1214, лл. 135—141; д. 484, лл. 4—13.

вания. Изменилась расстановка классовых сил в ауле, созрели условия для массового уравнительного передела пахотных и сенокосных угодий внутри аула. «Аульные середняки и беднота ожидают скорейшего раздела земли»,—говорится в майской 1925 г. сводке Наркомзема Каз. АССР²². Таково было требование большинства казахского трудящегося крестьянства.

Далее откладывать такую революционную меру было нельзя. Она не только уже созрела материально и психологически (в сознании казахских трудящихся), но и могла ускорить разрешение многих насущных задач советского социалистического строительства в ауле, в частности, процесс оседания казахского кочевого и полукочевого крестьянства.

20 мая 1926 г. ЦИК и СНК Каз. АССР декретировали²³, что впредь, до проведения сплошного внутриселенного землеустройства, аульные)* Советы при обязательном участии Союза Кошчи должны немедленно приступить к уравнительному распределению сенокосных и пахотных угодий между хозяйственными аулами и отдельными хозяйствами в пределах фактического пользования административного аула. Право на получение сенокоса предоставлялось все гражданам, приписанным к данному аулу, из расчета по едокам (в отдельных случаях — по дворам). Преимущество в получении сенокосных и пахотных угодий предоставлялось бедноте (самые лучшие и близкие к зимовкам). Предусматривая охрану сенокосов от потрав, декрет вместе с тем указывал, что бедняки не могут принуждаться к кочевке на джайлау; кроме того, им разрешалось сдавать свои сенокосы в аренду. Впоследствии закон уточнялся и дополнялся, но основные его положения остались в силе. И, как видно из изложенного, совершенно четко ставил задачей не только последовательное введение уравнительного принципа в пользовании землей, но и создание условий, облегчающих процесс оседания.

За короткий срок — год-полтора — все работы по переделу были завершены. Передел охватил около 400 тыс. казахских хозяйств на территории примерно 2600—2700 тыс. дес. Почти две трети переделенных сенокосов и пашни получила беднота, у баев же осталось только 7—9% угодий. Землепользование кедеев, кункургиш и орта шаруа таким образом резко возросло. Изменилось и качество земельных участков. Решительно сократилось байское землепользование, оказался в корне подорванным общинно-родовой принцип пользования угодьями.

Передел сенокосных и пахотных угодий дал большой социальный, хозяйственный и политический эффект, однако он не решал до конца задачу ликвидации патриархально-феодалных отношений в казахском ауле. Специфика скотоводческого хозяйства еще весьма значительной частью казахского населения, при которой скот являлся одним, из основных средств производства, состояла в том, что владение большим поголовьем стада в конечном счете обуславливало как сохранение возможностей для накопления, так и эксплуатации казахской бедноты (кедеев) в самых различных формах. Особенно большие стада сохранялись у крупных баев-полуфеодалов, почти не занимавшихся земледелием и ведших по старинке кочевое или полукочевое хозяйство, прибегавших, как и ранее, в основном к докапиталистическим приемам эксплуатации. Эта социальная группа, являвшаяся остаточным оплотом патриархально-феодалных отношений и патриархально-феодалной эксплуатации, действовавшая в сущности вне рамок и требований новой экономической политики, была сравнительно немногочисленна. Но ее экономическое значение, ее

²² «Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период» (сб. док.), Алма-Ата, 1962, стр. 327.

²³ ЦГА КазССР, ф. 74, он. 4, д. 425, л. 70.

влияние и роль в общественной жизни аула в действительности были много выше, чем численность. Существовала в ауле к этому времени еще и группа бывших султанов и других представителей «белой кости», которая хотя и обеднела, но пыталась продолжать эксплуатировать, подчинять себе бедноту, опираясь на силу косных традиций и обычаев.

Докладная Казахского Крайкома партии в ЦК ВКШ(б)²⁴ по поводу конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов отмечала, что во многих аулах произошло «окрестьянивание» аульного населения и «сложилось казахское земледельческое хозяйство по типу хозяйства русских крестьян». Этим новым и получавшим все большее распространение социальным и хозяйственным явлением мешает факт существования прослойки крупных баев-полуфеодалов. Наступили время и необходимость ликвидировать это препятствие на пути к социалистическому преобразованию аула с помощью конфискации полуфеодалных байских хозяйств. Правительство Казахской республики 27 августа 1928 г. приняло декрет о конфискации их скота и имущества (оставляя его им в пределах трудовой нормы)²⁵.

Несмотря на ожесточенное сопротивление байства, беднота и середняки аула проявили невиданно высокую активность, и основные цели декрета о конфискации были реализованы. Конфискованные у 700 хозяйств крупных баев-полуфеодалов свыше 1 млн. голов скота были перераспределены среди 25 тыс. батрацких и бедняцких хозяйств и частично переданы колхозам.

Итоги конфискации, как и передела, трудно переоценить. Они обеспечили десятки тысяч хозяйств кедеев и батраков плодородной землей, рабочим и продуктивным скотом, освободили их от кабальной зависимости, решительно подорвали экономическую мощь баев и их влияние. Средняк — орта шаруа стал центральной фигурой в ауле, хотя процент бедняков — кедеев еще был сравнительно выше, чем в переселенческой деревне. Аул в основном был очищен от патриархально-феодалных пут, сдерживавших его движение по пути к социализму. А это, в свою очередь, создавало благоприятные условия для дальнейшего развития оседания.

Коммунистическая партия и Советское государство шли навстречу стремлению казахских трудящихся к переходу к оседлости и земледелию. Был подтвержден в новых условиях закон о землеустройстве кочевых и полукочевых казахского населения от 17 апреля 1924 г. и сохранены все льготы, предусмотренные им (освобождение от налогов, семенная ссуда, бесплатная выдача леса, преимущества в землеустройстве, кредиты на обзаведение и т. д.), разрешалось выделение свободных плодородных участков государственного земельного фонда.

Становилась на научно обоснованную почву разработка земельных корм. Проведенное в 1928 г. новое административно-территориальное районирование не только приблизило органы управления к трудящимся, но и облегчило работу по организации оседания. Отпускались крупные по тем временам средства на изыскания и расширение участков лиманного орошения, обводнение пастбищ, что также создавало предпосылки для сокращения размера кочевков. Строились плотины, каналы и другие ирригационные сооружения на реках Уил, Баксай, Жаксыбай, Колдыгайты, Тургай, Иргиз, Токрау. Площадь поливных земель с 516 тыс. дес. 11 1926 г. увеличилась до 660 тыс. дес. в 1929 г. и многие земельные уча-

²⁴ ПА Казфилиала ИМЛ, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 2323, лл. 54—64.

²⁵ Газ. «Советская степь», 1928, 5 сентября.

стки, ранее почти не приспособленные для земледелия, теперь стали использоваться в качестве участков оседания с поливным земледелием.

Увеличивался объем землеустроительных работ. За два года (1928—1929) в землеустройство было вложено средств в четыре раза больше, чем за все предшествующие годы после Октября. Всего же, по неполным данным, во все виды землеотводных работ (от подготовительных до внутриселенных, без колхозов) за 1926—1929 гг. было вовлечено свыше 30 млн. дес.²⁶ Небезынтересно, что особенно быстро росли масштабы внутриселенного землеустройства в ауле. Оно сопровождалось введением севооборотов, повышением культуры земледелия. Разукрупнялись многодворные и стесненные в землепользовании земельные общества, сокращались дальнотемелье и чересполосица. Все это в свою очередь сказывалось на темпах оседания, безусловно, поддерживало стремление казахских трудящихся к оседанию.

Но дело не только в том, что казахское население стремилось к оседлости, а й в том, кто оседал и почему. Информационные отчеты, оправки и другие документы земельных органов Каз. АССР совершенно отчетливо выделяют уже давно определившуюся социальную направленность процесса.

Джетысуйское губернское земельное управление в своем отчете за 1927 г. указывает, что стремление к оседлости усилилось не только в смешанных, скотоводческо-земледельческих районах, но и в скотоводческих; почти все трудящееся крестьянство смешанных по типу хозяйства районов «изъявляет желание к переходу на оседлое положение», но прежде всего и сильнее всего это желание проявляется у аульной бедноты. К осени 1927 г. землеустроено 17 579 казахских хозяйств, большинство из них, главным образом бедняки, осели. Ту же картину рисует исторический очерк Акмолинского округа, подготовленный местными землемерами. Отчет Сыр-Дарьинского окружного земельного управления, также подчеркивая желание осесть главным образом у бедноты, фиксирует — в тех земельных общинах, где проведено внутриселенное землеустройство, можно считать, что население «окончательно перешло к оседлому образу жизни», каждое хозяйство получило усадьбу, нередко — участок полива, осваивает его и обзаводится постройками²⁷.

Все четче обозначалась и ранее существовавшая зависимость между кочевностью (т. е. величиной радиуса кочевания) казахского хозяйства и обеспеченностью его скотом.

Приведем некоторые обобщающие данные обследования 1928 г. о группировке хозяйств по расстоянию кочевков на джайлау (летние пастбища)²⁸.

Эти сведения нельзя считать абсолютно точными. Вызывает, например, сомнение нулевой процент байских хозяйств, кочевавших в радиусе до 25 км. Но зависимость между состоятельностью и радиусом кочевания таблица выражает безусловно правильно.

Таким образом, оседали и заводили посеы, сочетая их со скотоводством, в основном и прежде всего бедняки, а затем — середняки. Большинство баев упорно держались за кочевой образ жизни. И это их отношение к оседанию вытекало не из традиционного консерватизма (что

²⁶ См. Г. Ф. Дахшлейгер, Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана, Алма-Ата, 1965, стр. 305.

²⁷ ЦГА Каз. ССР, ф. 74, оп. 4, д. 621, лл. 94—95; д. 1228, лл. 10—22; д. 1229, лл. 4—15, 31—32.

²⁸ См. Б. Н. Семевский, Экономика кочевого хозяйства Казахстана в начале реконструктивного периода, «Изв. Всес. географического общества», М., 1941, т. 73, вып. 1, стр. 99.

Группы по обеспеченности скотом (в переводе на крупный)	Процент неkochующих хозяйств в группе			
До 2 голов скота	56,5			
От 2 до 5	31,6			
От 5,1 до 10	20,1			
От 10,1 до 25	13,8			
Свыше 25	11,1			

Социальные группы	Кочуют (расстояния в км)			
	до 25	от 25 до 50	от 51 до 100	свыше 100
Бедняки	28,3	56,6	13,3	1,8
Средняки	16,7	33,0	26,9	18,2
Баи	0,0	22,0	22,2	55,8

тоже, конечно, нельзя сбрасывать со счета), но прежде всего из их экономических интересов. Осевший на землю бедняк или маломощный середняк, получивший долгосрочную ссуду от государства, обзаведшийся инвентарем, рабочим скотом, семенами, выпадал из сферы байской эксплуатации.

Процесс развития оседлости и земледелия в казахском полукочевом и кочевом ауле шел разными путями: в одних случаях в ходе землеустройства кочевые хозяйства сокращали радиус кочевания, переходили к полuosедлости, в других — полукочевые хозяйства целиком прекращали кочевание и полностью оседали, но, как правило, при всех случаях (индивидуальных разновидностей перехода к оседлости или полuosедлости было множество) полностью от ведения скотоводства не отказывались. Даже крупные байские хозяйства, стремившиеся приспособиться к новой экономической обстановке, все больше обзаводились посевами.

Процесс оседания был сложен и внутренне противоречив. Документами вновь отмечены даже в 1927—1928 гг. отдельные случаи возврата к кочеванию, например, в Семипалатинской губернии, но только среди зажиточных хозяйств; временного спада тяги к оседлости, в частности в Актюбинской губернии. Бедлота стремились при оседании получить уже освоенные и особенно поливные земли (на юге); и это вполне естественно, так как у нее еще не хватало средств и орудий производства для подъема целины. Но не всегда можно было обеспечить ее именно такими участками. Поэтому были и факты перехода казахских аулов при оседании из обжитых и давно занятых ими участков на новые, даже в другие губернии и округа. Советские земельные органы регулировали оседание в плановом порядке, помогали переходящим к оседлости хозяйствам, но отмечены случаи оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств вне прямого участия земельных отделов. Не хватало еще средств, кадров землемеров для удовлетворения всех просьб и заявлений для отвода и планировки земельных участков, пригодных для оседания.

Стал применяться, в частности, такой метод содействия оседанию. Избиралась определенная волость, в которой концентрировались силы к средствам для ускорения оседания казахского кочевом и полукочевом населения. Например, в Кустанайском округе в качестве такой «ударной» была избрана Аракарагайская волость. Находясь поблизости от Кустаная, обладая пахотнопригодными землями, известными традициями оседлости и другими благоприятными для ускорения оседания условиями эта волость стала объектом организации опыта массового планового оседания. Все 17 аульных обществ (1891 хозяйство) землеустроились внутриселенно, большая часть из них образовала поселки на

новых местах, удобных для занятия земледелием. Стимулирование оседания государственной помощью бедноте, отбор лучших земель, ссуды и т. д. при полном, однако, соблюдении принципа добровольности, обусловили то, что практически почти все трудящееся население волости перешло к оседлости²⁹. Такого рода опыт несомненно оправдал себя.

Масса заявок трудящихся на переход к оседлости и отвод пахотных участков удовлетворялась в Семипалатинском, Акмолинском округах. Так, в Семипалатинском округе, по неполным данным окружного земельного управления, в 1928 г. было землеустроено с переводом на оседлость 30 аульных полукочевых обществ (1219 хозяйств), из кочевого положения на полукочевое переведено 45 аульных обществ (2170 хозяйств), и только 7 землеустроенных аульных обществ (706 хозяйств) оставлено на положении кочевых. В социальном разрезе землеустроенные хозяйства характеризуются следующим образом: 223 батрака, 2646 бедняков — кедеев, 665 маломощных середняков — кункургиш, 424 — середняка — аukatты, 146 — зажиточных, 1 — бай³⁰.

Масштабы и темпы оседания были различны в разных хозяйственных зонах. В оседло-земледельческой зоне, где во второй половине 1920-х гг. еще имелись вкрапления полукочевых аулов, процесс оседания по Сути дела захватил все казахские хозяйства, в зоне смешанной, скотоводческо-земледельческой размах оседания был, пожалуй, наибольшим, во всяком случае в нем переходом к оседлости было захвачено наибольшее число казахских хозяйств, в зоне скотоводческой оседание шло медленной и главным его направлением являлся переход к полuosедлости. Ко попытке, что во всех без исключения зонах, включая и скотоводческую, переход к оседлости всегда сопровождался обзаведением посевами.

Казахский аул с каждым днем все больше испытывал на себе влияние факта возникновения новых общественно-экономических отношений, нового социально-политического порядка. Он все больше вовлекался на некапиталистический путь развития, путь, ведущий к социализму.

Исключительно важную роль в развитии процесса оседания казахского кочевого и полукочевого крестьянства сыграла кооперация. Уже первые шаги кооперативно-колхозного движения в ауле после победы социалистической революции показали применимость идей ленинского кооперативного плана и к докапиталистическим условиям. А в канун коллективизации, обобщая итоги кооперативного строительства в советской стране, ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б) отмечал, что «в национальных районах, где еще в деревне (ауле) сильны остатки феодально-родовых отношений, где происходит процесс перехода от кочевого и полукочевого хозяйства к оседанию и земледельческому освоению земель, — коллективизация с внедрением передовой машинной техники... играет решающую роль в деле подъема материального и культурного уровня масс и вовлечения их в социалистическое строительство»³¹.

Одной из форм приобщения кочевого населения к кооперации явились фактории, организовывавшие советскую торговлю в самых глухих уголках казахской степи. Одновременно они занимались и кредитными, сбытоснабженческими операциями. Немалое место в их деятельности занимала пропаганда улучшенных форм ведения хозяйства, чтение докладов и проведение бесед на агрономические темы, с разъяснением преимуществ оседлого быта и земледельческого или скотоводческо-земледельческого хозяйства перед кочевым бытом и экстенсивным скотовод-

²⁹ ЦГА Каз. ССР, ф. 74, оп. 4, д. 619, лл. 2—14.

³⁰ ЦГА Каз. ССР, ф. 74, оп. 4, д. 1228, лл. 10—22; д. 1229, лл. 31—32.

³¹ «КПСС в резолюциях...», ч. 2, стр. 650—651.

ством. Аналогичную работу в кочевых районах вели торгово-заготовительные экспедиции губернских союзов потребительских обществ.

В таком же направлении действовала и кредитная кооперация. Потребности аула, где к началу 1920-х гг. абсолютно и относительно преобладали кедеи, в кредите были очень велики. Не случайно из всех форм кооперации в ауле до 1926—1927 гг. наибольшее распространение получила именно кредитная. Ссуда аульным хозяйствам носила, как правило, долгосрочный характер и имела четкое производственное назначение: на покупку и прокорм скота — в первую очередь, на покупку рабочего инвентаря, семян, на постройку дома или хозяйственных помещений и т. д. Приобретая средства производства, в той или иной степени связанные с земледелием, казах-кочевник или полукочевник, обзаводившийся посевом или имевший его и ранее, легче и быстрее приобщался к оседлости, ощущал преимущества оседлого образа жизни, легче отказывался от кочевничества. А так как размер ссуд, как и их общая сумма, из года в год нарастали, охватывая все большее число кочевых или полукочевых хозяйств, то и росло число хозяйств, полностью или частично расстававшихся с кочевым скотоводством. Точно так же действовали аульные комитеты крестьянских обществ взаимопомощи (ККОВ). Они ссужали кедеев-кочевников семенами и инвентарем, помотали обрабатывать поля.

Даже собственно скотоводческие кооперативы казахского кочевого и полукочевого крестьянства (а их было немало), ставившие своей главной целью развитие главным образом скотоводческого хозяйства, заботились и о поддержке членов кооперативов, переходящих к земледелию.

Многие полукочевые хозяйства, объединяясь в артели, сразу же принимали земледелие в качестве основной отрасли хозяйства. В этом отношении характерен протокол собрания полукочевых хозяйств аула № 3 Актюбинской волости (декабрь 1923 г.)³²:

«Слушали. Предложение гражданина С. Арыстангалиева об организации артели для совместного ведения сельского хозяйства за невозможностью вести таковое единолично ввиду недостатка рабочего скота, инвентаря и средств.

Постановили. Организовать трудовую артель «Карабулак» в ауле № 3, объединив трудовую силу и средства группы бедняков киргиз (казахов) для производственной обработки земли и ведения сельского хозяйства, чтобы заменить отживший способ единоличного ведения сельского хозяйства способом, построенным на разумных товарищеских началах, и тем самым обеспечить каждому бедняку материальное существование и развитие».

В последующие годы эта линия на переход к оседлости при образовании колхозов в полукочевых районах усиливалась. И если вспомнить (об ЭЮИ говорилось выше), что вплоть до 1928 г. кедеи-бедняки составляли большинство в ауле и они же прежде всего шли в кооперацию, в колхозы, станет ясным такая взаимозависимость, взаимообусловленность кооперативно-колхозного движения и оседания с развитием земледелия (она таким образом существовала и до массовой коллективизации сельского хозяйства).

Развитию кооперативно-колхозного движения в ауле и тем самым распространению оседлости и земледелия способствовало распределение сельскохозяйственной техники. В 1929 г. артели Каз. АССР использовала

³² «Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период» (сб. док.), Алма-Ата, 1962, стр. 217.

он поднимался до 2,2, а в Каркаралинском, например, представлявшем зону полукочевого хозяйства, достигал всего 1%³⁸ -

Еще продолжала сказываться разная степень как объективных, так и субъективных факторов подготовленности к переходу на рельсы производственной кооперации: экстенсивность хозяйства, остатки докапиталистических отношений, специфика расселения, недостаточная развитость рыночных связей и простейшей кооперации, невысокая товарность, уровень политической сознательности аульных масс и т. д. И партия учитывала различия в уровне подготовленности крестьянства к коллективизации.

Государственная помощь строительству колхозов, как и развитию оседлости, увеличивалась. Однако она не имела ничего общего с искусственным форсированием и принуждением, в какой бы то ни было форме, к вступлению казахов-кочевников и полукочевников в колхозы и переходу к оседлости, о чем так много пишут, извращая действительную историю казахского аула, буржуазные исследователи. Как кооперативно-колхозное строительство, так и оседание в ауле ширились, приобретая все больший размах, по инициативе самих казахских шаруа, на собственном опыте убеждавшихся в преимуществах кооперации и оседлости, земледелия перед единоличным хозяйством, кочевым бытом и экстенсивным скотоводством.

Невозможно статистическими средствами раскрыть смысл и значение кооперативного движения в ауле. Ведь любые цифры не могут учесть силу психологического перелома в казахском крестьянстве, влияние кооперации на хозяйственную и политическую жизнь аула. Но представляется бесспорным, что кооперация во всех ее формах охватила своим воздействием большинство казахских трудовых хозяйств и во многом подготовила почву для нового прогрессивного скачка в развитии оседлости и земледелия в ауле.

Содействовала оседанию и деятельность совхозов, их опыт ведения зернового хозяйства с применением передовой для того времени техники. И хотя их число было сравнительно невелико (30—35), но расположенные обычно в необжитых районах и непосредственно соприкасаясь с кочевыми аулами, они оказывали прямую помощь оседающим — обрабатывали их поля, снабжали семенами. Особую роль сыграли животноводческие совхозы акционерного общества «Овцевод». В этих совхозах основные кадры чабанов и других работников составляли казахи, в недавнем прошлом батраки, жалшы, малаи у баев. Переходя на работу в совхоз, они, как правило, обзаводились оседлым жилищем, усадебным участком с посевом и хозяйственными постройками. Несмотря на то, что значительную часть года им приходилось находиться далеко от дома, на сезонных пастбищах, отнести их к кочевникам уже никак нельзя. Однако дело не только в том, что они сами отрывались от кочевого образа жизни, связанного с ним кочевым бытом и превращались в новый тип постоянных сельскохозяйственных рабочих, притом советских рабочих, с новым отношением к труду. Но и в том, что рабочие таких совхозов, часто бывая в родном ауле, становились проводниками партийного к советского влияния на него, пропагандистами идей кооперации и оседлого образа жизни. При совхозных усадьбах создавались курсы агрономов, зоотехников, рабочих школы, в которые шли учиться детвора, юноши и девушки из аулов.

Последовательное и неуклонное осуществление партий и Советским государством новой экономической политики в кратчайшие сроки (1923—1928 гг.) привело к тому, что как посевные площади, так и пого-

³⁸ «10 лет Казахстана», Алма-Ата, 1930, стр. 201.

ловье скота превзошли довоенный уровень (1913 г.). Ограничение и вытеснение кулака и бая при постоянной помощи бедноте обусловили утверждение середняка — орта шаруа в качестве центральной фигуры в ауле. Из года в год увеличивался завоз сельскохозяйственной техники: в 1925—1926 хоз. год — на сумму в 5236 тыс. руб., 1926—1927 хоз. год — 8523, 1927—1928 хоз. год — 10 103, 1928—1929 хоз. год — 13260³⁹. Все эти факторы непосредственным образом сказывались на оседании, материально заинтересовывая казаха-скотовода в переходе к оседлости. Характерно, например, что в начале 1920-х гг. на ярмарках, обслуживавших, как известно, кочевое и полукочевое население, отсутствовал спрос на сельскохозяйственные орудия, к концу же 1920-х гг. они там стали пользоваться постоянным спросом.

Сводные данные по Казахстану о численности кочевых, полукочевых и оседлых хозяйств на конец 1920-х гг. не обнаружены. Относительно пригодны для рассмотрения сведения за 1928 г. Ф. Сластухина. По его расчетам казахские хозяйства распределялись так (округленно)⁴⁰:

	Казахских хозяйств (в тыс.)	Оседлых хозяйств (в тыс.)	%	Кочевых хозяйств (о тыс.)	%
Северный Казахстан	322	81	25	241	75
Центральный Казахстан	175	13	7	162	93
Южный Казахстан	312	148	47	164	53
Итого:	809	242	30	567	70

Принцип отбора данных в таблице вызывает, однако, сомнения. В рубрике кочевых, безусловно, содержатся сведения не только о кочевых, но и полукочевых, которые почему-то просто отсутствуют. В то время пастьба скота казахов даже в 5 км от зимовки считалась основанием для отнесения его хозяйства к кочевому. Поэтому цифра 567 тыс. (или 70%), конечно, покрывает как кочевые, так и полукочевые хозяйства. Думается также, что не вполне достоверны цифры по Северному Казахстану, где оседлость и земледелие среди казахов получили наибольшее распространение. Так что сводная цифра кочевых и полукочевых хозяйств должна быть снижена до 400—450 тыс. (это показал опыт оседания в 1930-е гг. с учетом откочевников). Но бесспорно: во-первых, что в Центральном Казахстане абсолютное большинство казахских хозяйств все еще вело кочевое и полукочевое хозяйство; во-вторых, что и в других районах их число было сравнительно еще велико и, таким образом, процесс оседания далеко не завершился.

1929 г. внес новые коррективы и показатели развития оседлости. Государство увеличило ассигнования на содействие оседанию, пересмотрело систему льгот оседающим с тем, чтобы в категорию получающих помощь не попали бай, четко определило, что критерием перехода к оседлости является наличие у хозяйства жилья, хозяйственных построек и посева вне зависимости от того, пасется ли скот на расстоянии 5 или 10 км от усадьбы, ввело надбавки к нормам земельных наделов для оседающих казахских хозяйств, чтобы не допустить экономических из-

³⁹ «Материалы к отчету Каз. ЦИК на 3-й сессии ВЦИК, XIII созыва», Кзыл-Орда, 1928, стр. 37—40; «Резолюции и постановления V Пленума Казахского краевого комитета ВКП(б)», Алма-Ата, 1929, стр. 11.

⁴⁰ См. Ф. Сластухин, Социалистическое переустройство казахского аула, «Сов. этнография», 1933, № 1, стр. 85 (исправлена опечатка в источнике).

и вы- Держек при переходе от одного типа хозяйства к другому. Оседание про-
овили! должно развиваться.

уры в! Однако накануне перехода к массовой коллективизации, очевидно,
шки., около половины казахского трудящегося населения еще вело кочевое
год — или полукочевое хозяйство (преобладало, конечно, последнее). Коренная
?. Все реорганизация казахского хозяйства на основе оседлости осталась не-
и, ма- завершенной до перехода к массовой коллективизации.

ности.
бслу-
зовал
там

* * *

евых
льно
о его

%

75

03

03

0

ния.

оче-

ре-

чем

или

ва.

ах-

ее

ий-

ия

в

ств

ру-

м,

о-

е-

их

к

ек

и

я

3-

1-

0

1,

Оседание — важная специфическая черта процесса некапиталистического пути развития казахского народа. Это, пользуясь ленинской формулой, — одно из переходных, посредствующих звеньев в разрешении исторической задачи перехода казахского народа к социализму, минуя капитализм. Оседание проходило при прямой помощи русского рабочего класса, Советского государства. Оно направлялось, руководилось Коммунистической партией, настойчиво изыскивавшей наиболее эффективные средства, меры для его ускорения. Но при всем этом казахский народ свободно решал вопрос — за оседлость, против кочевничества, на собственном опыте осознав преимущества оседлости.

Оседание имело четко выраженную социальную направленность. Отказывались от кочевания и связанного с ним экстенсивного скотоводства прежде всего и главным образом аульные бедняки, а затем середняки; цеплялись за кочевничество и экстенсивное скотоводство баи. Поэтому борьба за и против оседлости была борьбой классово-экономической.

Ликвидация колониального наследия в земельных отношениях и коренная реорганизация социально-экономической структуры казахского кочевых и полукочевых аулов, уничтожение в нем в основном докапиталистических, патриархально-феодальных форм стимулировали рост оседлости. Весьма существенное значение в плане прогрессивной смены хозяйственных форм имело также землеустройство и особенно возникновение и развитие социалистического уклада в ауле. И до массовой коллективизации кооперирование казахов-кочевников и полукочевников обычно сочеталось с постепенным переходом к оседлости.

В результате, за первые 10—12 лет Советской власти, несмотря на чрезвычайно трудные экономические условия, порожденные двумя войнами (первой империалистической и гражданской) и страшной засухой и джумом 1921 г., несмотря на всю отсталость аула, значительно сократились масштабы кочевых хозяйств, ускорился и приобрел устойчивый характер процесс оседания, расширилась сфера полукочевых-полуоседлых хозяйств со все большим значением земледельческого производства, а часть кочевых и полукочевых хозяйств полностью осела. Сложившиеся в основном условия и предпосылки постепенного и организованного перехода к массовому оседанию уже в прямой связи с коллективизацией сельского хозяйства.

SUMMARY

On a historic example the process of sedentarization in the Kazakh nomadic and seminomadic aoul is examined during the 20-s, in the period preceding the mass collectivization of rural economy. The peculiar traits of this process are demonstrated, like the direct dependence of the degree of sedentarization upon the welfare and social affiliation of the Kazakh homesteads. The article also elucidates the measures taken by the State to sponsor a progressive change of economic forms and makes an emphasis on the importance of cooperation for the progress of sedentarization and strict observance of a voluntary principle in sedentarization.